

Богдана Забурская

Цена.

18+

Богдана Забурская

Цена

«Автор»

2026

Забурская Б.

Цена / Б. Забурская — «Автор», 2026

Есть ли стоимость у человечности, когда привычный мирный мир начинает рушиться? Психологическая повесть «ЦЕНА» предлагает читателю одну историю, показанную глазами трех разных героев. Для Алеся, прошедшего через ад боев и тяжелое ранение, образ Каси из далекого прошлого становится последним бастионом для изувеченной психики. Для Михала Кася — это девять лет любви и единственное спасение от семейного кризиса. Сама же Кася — сильная, утонченная женщина, привыкшая строить жизнь по собственным твердым правилам. Столкновение мирного и военного, случайное разоблачение и тайная слежка заставляют героиню уехать в заброшенную деревню, чтобы встретиться с собственными иллюзиями. Автор поднимает острые экзистенциальные вопросы о предательстве, ПТСР, манипуляциях и абсолютной правде перед самим собой, где за каждый выбор придется заплатить полную стоимость.

© Забурская Б., 2026

© Автор, 2026

Богдана Забурская

Цена

ЦЕНА.

Часть I АЛЕСЬ.

Глава 1. Пепел и мел.

Пепел.

Бетонная тьма блиндажа пахла порохом, сырой землей и холодным металлом. Алесь сидел на ящике из-под снарядов, вытянув усталые ноги, облепленные затвердевшей грязью. Взгляд его застыл на маленьком огоньке газовой горелки, которой они пытались обогреть помещение, но видел он в этот момент не огонек, а что-то совсем другое.

У него не было ее фотографий, ни одной. Только память, которая, словно старая лента, прокручивала последние кадры из ее профиля в сети. Кася на тех снимках была воплощением успеха и утонченности: вот она в эстетской кофейне с какой-то книгой на столике, вот — в элегантном бежевом платье на фоне галереи. Казалось, ее мир был наполнен светом, запахом дорогого парфюма и безопасностью, мир, в котором самой большой заботой был выбор цвета штор или сложность новой пьесы для фортепиано. Именно так думал Алесь.

Мужчина устало прикрыл глаза, и холод блиндажа на мгновение отступил, уступая место воспоминанию двадцатилетней давности.

Двадцать лет назад.

Май.

В классе царил духота. Солнце безжалостно заливало парты, заставляя пыль танцевать в воздухе. Это был их последний учебный год. Математичка что-то монотонно объясняла про логарифмы, но Алесь ее не слышал. Он смотрел на Касю.

Она сидела впереди, идеально ровно держа спину — эта осанка всегда выдавала в ней какую-то прирожденную аристократическую гордость. Гибкая, утонченная, с огромными голубыми глазами, она напоминала парню фарфоровую статуэтку. Только, вот характер девушка имела далеко не фарфоровый, Кася была бунтарем, которого невозможно было сломать мелкими школьными правилами. Пока весь класс пытался спастись от гнева учителя, она спокойно рисовала в тетради сложные графические узоры, игнорируя цифры и графики. Ей было скучно. Она жила в каком-то своем мире искусства и истории, где каждое движение имело значение, а алгебра была для нее лишь неприятным фоном. Девушка казалась чужой для этой серой будничности — необычной, гордой, недостижимой. Но как же она раздражала его и других одноклассников этой своей необычностью, своим взглядом сквозь них, своим нежеланием объяснять собственные же поступки, даже когда ей что-то выговаривали учителя или директор. Алесь не понимал: как вести себя с девушкой, которая одновременно могла не путать между собой Мане и Моне и курить за школьным забором, прямо на глазах классной, делая все это так, будто бы так и должно быть, с видом настоящей аристократки.

Сейчас

Резкий звук далекого взрыва встряхнул землю, и с балок на плечи Алесья посыпался песок. Он открыл глаза, возвращаясь в свою реальность. «*Опять началось*» — подумал он. Здесь, в его мире, не было места для искусства и долгих раздумий либо красивых разговоров. Здесь была вселенная серой грязи, рваного железа и постоянного ожидания смерти, которая могла прилететь с любой стороны.

— Алесь, собирайся, надо идти, — услышал мужчина голос ротного, — отдохнули и хватит.

Так случилось, что сейчас его мир — это грубые мозоли на руках, острый запах гари и тяжесть автомата, который стал продолжением тела. Ее — это тихие вечера, блеск хрусталя и безупречная эстетика каждого дня. Они с Касей существовали в разных измерениях, которые больше не пересекались. Она, успешная и все такая же красивая, а он... Он здесь.

Алесь знал: скоро будет новый штурм. Но пока у него были эти минуты, он держался за образ той девушки, рисующей замки вместо задачек.

Его мозг не хотел возвращаться в блиндаж, к холоду, грязи и запаху крови, которые царили в нем, словно хозяева. Мозг несли дальше, по волнам воспоминаний.

Глава 2. Восемнадцать лет до...

Речка и цветы

Отметить, свой последний звонок они решили на природе.

Вечер был теплым и шумным. Класс отдыхал на берегу реки, кто-то уже открыл бутылки пива, кто-то пытался петь под гитару, другие разошлись небольшими компаниями вдоль берега. Алесь, который и так среди сверстников чувствовал себя хозяином положения: высокий, сильный, знающий, что сказать и как себя поставить. Сегодня был в ударе, много шутил и развлекал одноклассников. Но, отдыхая и развлекаясь, парень все время старался держать Касю в своем поле зрения. Кася... Эта девушка была его «слабым местом». Стоило ей оказаться рядом, как вся его уверенность куда-то исчезала, оставляя чувство неловкости.

Наконец Алесь, подкрепив свою уверенность небольшим количеством алкоголя, решился.

Он нашел Касю у воды. Девушка сидела на огромном камне. Вместо того чтобы долго собираться с мыслями, Алесь просто подошел и протянул ей цветы. Это были не розы в пленке — обычные полевые цветы. Кася приняла их так, будто бы это был самый обычный поступок со стороны Алесья. Он уже хотел обидеться, но их глаза встретились, Кася смотрела на него с нежностью, такой взгляд он видел у этой девушки впервые, и Алесь, который обычно ни перед кем не отводил взгляд, первым посмотрел в сторону. А потом суматоха, творившаяся вокруг, поглотила их. Тогда Алесь ей ничего так и не сказал.

Книга и табачный дым

Выпускной бал закружил всех в вихре музыки, разговоров и танцев, но Алесь искал глазами только одну фигуру. Он нашел ее на крыльце ресторана в начале третьего часа ночи. Кася стояла с Лесей и Ганей, их одноклассницами, поправляя подол длинного платья.

— Вообще не спала, — долетел до него голос девушки. — Вчера взяла читать... — парень не услышал названия книги, — и пока не закончила — не смогла закрыть глаза, — рассказывала она.

Леся усмехнулась:

— Неужели делать больше нечего? Книжка хоть интересная была?

В ответ Кася пожала плечами.

Алесь остановился в тени. Он видел, как она, продолжая обсуждать книгу, совершенно естественно достала сигарету и затянулась. Это действие не выглядело попыткой казаться взрослой или, как это говорят, крутой. Наоборот, в этом была какая-то странная органика: интеллигентная девушка с хорошим вкусом и эта тонкая нить дыма. Алесю тогда показалось, что в ней живут два разных человека, и они оба ему нравятся.

Парень хотел дождаться, пока она останется одна, чтобы поговорить, но, к сожалению, Кася ушла с крыльца первой, оставив одноклассниц.

Когда они отправились встречать рассвет, Каси уже не было. Когда она исчезла, Алесь не знал. Больше он ее не видел никогда.

Калейдоскоп

После бала всё закончилось быстро. Жизнь начала стирать в Алесе юношеский задор, сменяя его взрослой реальностью. Денег не было, перспектив дома — тоже, не помогло даже неплохое образование. Начались странствия в поисках лучшего. За эти 18 лет он успел многое: выучился, попробовал работать в разных сферах, уехал из страны, пытался «зацепиться» за семейную жизнь. Был брак, родился ребенок, но быт, нехватка средств, да и неготовность что его, что жены к семейной жизни разделили всё на ноль. Развод оказался единственным выходом.

Бывшая жена давно снова вышла замуж. Сына растил отчим. Жена сама просила: Алеся не видется с ребенком: *«Не надо портить малому жизнь, — говорила она, — считает он отчима отцом и ладно»*.

Мужчина остался сам по себе. Недостатка в женщинах у Алеся не было, но как-то не складывалось, так же было и с работой.

И вот, несколько лет назад, Алесь решил, что хватит бегать, не мальчик уже, нужна какая-то стабильность. Служба в армии стала для него логичным выходом. Там всё было понятно: форма, расписание, зарплата, которая позволяла не думать о завтрашнем дне, жилье. Он впервые за долгое время почувствовал, что его жизнь стала спокойной и устроенной. Стабильность стала для него главной ценностью.

Земля в махорке

А, потом, пришло то, чего никто не ожидал. И сейчас, сидя в блиндаже, Алесь понимал, что вся его «стабильность» была дешевой иллюзией, которая сгорела в первом же бою. Единственное, что на самом деле было стабильным в его жизни — воспоминания о Касе. Вот странная вещь: за все эти 18 лет, через все неудачные попытки заработать и ссоры с бывшей женой, образ Каси на крыльце ресторана остался самым отчетливым воспоминанием. Это был единственный момент в его жизни, где всё было, кажется, по-настоящему.

Он потер лицо грязными руками. Интересно, читает ли она сейчас кому-нибудь ту самую книгу, названия которой он тогда не услышал?

— Алесь, твою мать, хватит спать, — толкнул его в плечо Крот, — на том свете отспишься.

Глава 3. Сделка

Холодный расчет

Мир закончился внезапно, батальон Алеся, не готовя, даже толком не предупредив, переброшили через ленточку. Сейчас он был здесь — на чужой земле, среди грязи и постоянного ожидания прилетов.

Алесь стал хорошим солдатом. Он не чувствовал ярости или слепого гнева, которые часто затуманивали разум другим. Наоборот, он работал холодно, расчетливо и очень точно, профессионально выполняя то, чему его научили. Это было ремесло: чистить оружие, держать позицию, выполнять приказы без лишних эмоций. Мужчина считал так: если уж что-то делаешь — делай ответственно, иначе не нужно и начинать. Такой холодный расчет и помогал ему выживать во время очередного штурма.

Тень блиндажа

Вокруг него были разные люди. Парни в блиндаже часто повторяли хлесткие лозунги, которыми их старательно «кормили» со всех сторон, злились или жадно считали деньги с выплат. Это окружение давило сильно, ежедневно, вынуждая принимать такую реальность. Алеся это раздражало, но он молчал, кивал, соглашался. Мужчина трезво понимал, что и почему происходит на самом деле, красивые слова его не впечатляли и не трогали. Но что было делать? Уйти отсюда просто так было невозможно, он же не самоубийца, да и куда? Где он был еще нужен? Алесь так и слышал в голове голос матери: — *«Не набегался еще? Когда ты опомнишься?»* — поэтому и сделал единственное, что считал разумным, если только в этом положении вообще могло быть что-то разумное. Это была его сознательная сделка с совестью: закрыть глаза на всё вокруг, чтобы просто выжить. Ведь логика войны проста и безжалостна: либо ты, либо тебя.

Да и не нужно сейчас морализировать. Так время от времени поступаем мы все, нужно быть честным перед собой. К сожалению, только невозможно знать, какой будет цена этой сделки с совестью, даже тогда, когда она кажется пустяком.

— Деньги пришли, — Алесь вспомнил, как этому событию радовался Крот.

— Что с того, — ответил он сослуживцу, — зачем они тебе сейчас?

— Как зачем? Вернусь, квартиру наконец куплю.

— Ты вернись сначала, — горько усмехнулся Алесь.

Через три недели Крот на самом деле поехал домой... По кускам. Его собирали по лесополосе два дня.

Сколько таких кусков, которые когда-то были людьми, Алесь видел в лесах, полях и уничтоженных под ноль городах, он уже не считал. Мужчина вообще старался не рефлексировать по этому поводу. Будешь много думать не о том — потеряешь внимание, потеряешь внимание — потеряешь жизнь. Инстинкт самосохранения работал у Алеся безупречно.

Зона чистоты

Сходить с ума Алесь не хотел, и поэтому его психика создала единственный внутренний щит, который спасал его от морального разрушения. Чем сильнее давила война, тем ярче в его сердце пылал тот вечер, восемнадцать лет назад. Тонкая нить табачного дыма, Кася на крыльце в длинном платье, запах влажной травы и жасмина. Этот образ стал для него единственной зоной чистоты во всей этой грязи.

Вдруг земля содрогнулась. Резкий свист, горячая волна боли опалила всё тело, потом вспышка — и тьма.

Последний бастион

Сознание вернулось вместе с запахом хлорки. Алесь лежал на госпитальной койке, втиснутый в белую, оглушительную тишину, которая после месяцев грохота резала уши. Он смотрел на трещину на потолке и не чувствовал своего тела — только пустоту. Там, на той земле, среди грязи, равнодушного холодного расчета и чужих лозунгов, он по капле выжигал себя, пока не превратился в автомат, который просто выполняет работу. Мужчина это понимал, ведь иначе было нельзя, если ты не хочешь сойти с ума.

Но сейчас, один на один с этой пустотой, всё ощущалось по-другому, его пробило таким острым, безжалостным чувством, от которого захватило дух. Алесь почувствовал, что все эти восемнадцать лет — через бессмысленные странствия, чужие постели, браки и ссоры — он не просто помнил Касю. Он любил ее. Любил каждую минуту, пока убегал от себя, пока соглашался на сделки с совестью, пока шагал по земле, смешанной с махоркой и кровью.

Этот образ девушки с тонкими пальцами и нитью дыма был единственным, что не смогла сожрать война. Это был не каприз раненого человека и не ностальгия по юности — это был последний бастион его обнаженной психики. В госпитальной тишине, пока заживали сломанные ноги и ребра, затягивались ожоги на теле и лице, Алесь впервые по-настоящему испугался: если он не найдет ее, если позволит этому образу погаснуть, то от него самого не останется ничего, кроме грязной формы. Кася была нужна ему не только для простого, человеческого счастья — она была нужна, чтобы спасти душу, которая умирала внутри него, чтобы выжить.

Он обязательно найдет ее...

Глава 4. Профиль с ошибками

Возвращение

Родной город встретил Алесь необычной для него, почти тревожной тишиной. После госпиталя и месяцев брутального грохота этот мирный свет казался иллюзорным и чужим. Белые бинты сменились гражданской одеждой, но ранение всё еще напоминало о себе тупой болью. Он получил отпуск для реабилитации. Однако Алесь решил воспользоваться им иначе. Мужчина приехал сюда, в место, которое когда-то было его домом. Он приехал не лечить тело — он хотел спасти душу.

Через старых знакомых и бывших одноклассников, с которыми Алесь еще кое-как поддерживал отношения, он быстро нашел ее страницу в социальных сетях. Современное время дает возможность очень просто связаться с человеком.

Ян, который хоть и удивился такому любопытству друга, но всё же помог Алесю найти бывшую одноклассницу, спросил, когда они сидели в кафе:

— Зачем это тебе надо? Неужели других баб в этом мире не хватает?

— Хватает, — ответил Алесь, — но таких...

— Ой, брат, смотри... Конечно, она красивая, но ты же помнишь, какой у нее характер был. Панночка, мать ее...

Алесь усмехнулся в ответ.

Экран телефона осветил его лицо, и Алесь застыл. Он не спешил писать. Его израненный войной, холодный разум начал детально, шаг за шагом изучать ее виртуальную жизнь.

Анализ

То, что он увидел, заставило его сердце биться чаще. Это не был стандартный гляцевый профиль красивой и уверенной в себе женщины. За снимками скрывалось что-то более глубокое. Вот она на снимке в кафе, одетая в лаконичную белую рубашку, вот — в элегантном платье на фоне художественной галереи, а вот совсем другая — джинсы, футболка и какие-то древние руины.

Однако рядом с этой безупречной женственностью в ее профиле жил совсем другой мир. Алесь всматривался в кадры: девочка, которая когда-то считала школьные уроки скучным фоном, работала с цифрами и чертежами, создавая утонченные, стильные вещи. Она как-то очень органично соединила в себе абсолютную творческую свободу и бескомпромиссную точность. В ней снова сочеталось то, что сочетаться не могло.

При этом почему-то на ее странице не было ни одного снимка или упоминания о семье. Алесь понимал: у такой женщины муж или кто-то еще близкий должен быть, как же иначе. Вот только его изувеченной войной психике было абсолютно всё равно на этот факт. Он считал, что после всего перенесенного: той грязи, ранения и этих восемнадцати лет верности своему воспоминанию, он имеет какое-то особое, непроверяемое право на эту женщину. Кася была его последним бастионом, потому внешние препятствия его не волновали.

Был и другой нюанс, более тонкий. На большинстве фотографий взгляд Каси был таким же, как и раньше — холодным, отстраненным, сквозным. Она смотрела на мир так, словно ей было всё равно, словно окружающая будничность ее не касалась. И только на нескольких

случайных снимках ее глаза смотрели на что-то с живым интересом и нежностью. Точно так же, как тогда, восемнадцать лет назад, на берегу реки, она смотрела на него.

Этот взгляд и стал для Алеся сигналом. Он решился.
Ошибка

Сообщение в мессенджере было простым: *«Кася, привет. Это Алесь. Сто лет не виделись, решил найти тебя через наших. Как твои дела?»*

Ответ пришел довольно быстро. Кася явно была рада слышать одноклассника. Общение началось легко, непринужденно, словно и не было этих восемнадцати лет пропасти. Они разговаривали ни о чем, шутили про школу, вспоминали учительницу математики и те самые логарифмы. Кася отвечала живо, искренне, без своей обычной холодности.

Она ведь еще не знала, кем стал Алесь, где он был. Женщина видела в нем просто того парня с цветами.

Алесь, оглушенный и обрадованный этой легкостью, потерял бдительность. Холодный военный расчет уступил место горячему, эгоистичному порыву человека, который привык брать свое направо. Он решил, что бастион уже сдался.

Вот тогда он и совершил первую ошибку...
Глава 5. Тактика штурма

Сделка без ухаживаний

Шутки о прошлом и школьных годах быстро надоели Алеся. Эта суета ни о чем раздражала его изувеченную психику. Он не был юношей из романа и не собирался играть в долгие ухаживания. Алесь — взрослый мужчина, прошедший войну, он еще месяц назад смывал с рук чужую кровь в госпитальном туалете. Ему нужен был его бастион — эта женщина, тишина и семья. Прямо сейчас.

Алесь решил действовать так, как умел — направо, пользуясь тактикой штурма. Пренебрегая всеми социальными приличиями мирной жизни, он набрал резкое, короткое и тяжелое сообщение, прямо заявляя о своих намерениях: *«Кася, давай без лишних слов. Ты мне равнодушна. Я вернулся, чтобы найти тебя. Мне нужна семья, покой и ты рядом. Я хочу быть с тобой»*.

Мужчина нажал «отправить» и отбросил телефон. Дело сделано. Позиция обозначена.
Мертвая зона ожидания

Но минуты складывались в часы, а ответа не было. Сообщение висело «доставленным», почему-то Кася затягивала с паузой и не открывала чат. Эта ситуация начала моментально триггерить Алеся. В его армейской реальности молчание означало либо неподчинение, либо катастрофу. Внутри начала закипать глухая, эгоистичная злость человека, который считал, что после всей перенесенной боли он купил себе права на эту женщину.

Не выдержав, ближе к вечеру Алесь совершил очередной необдуманный шаг — отправил еще одно сообщение. Тон был тяжелым, требовательным, будто Кася была его законной женой

или что-то была ему должна: *«Почему ты молчишь? Я жду ответа. Трудно написать пару слов?»*

Ледяная линия обороны

Ответ пришел только поздно вечером. Он дышал холодом. Кася не собиралась оправдываться, суетиться или сглаживать углы. В ее буквах не было ни капли эмоций — только сухая констатация фактов: *«Алесь, во-первых, я не живу в сети и не сижу с телефоном в руках. Во-вторых, у меня есть работа и дела, которые требуют моей полной включенности. Я физически не могу отвечать на личные сообщения по первому требованию».*

Если до этого сообщения Кася разговаривала открыто и тепло, то сейчас, даже по тону ее букв Алесь отчетливо почувствовал: что-то изменилось. Текст был безупречно вежлив, но от него веяло дистанцией. Мужчина вспомнил: Кася не та женщина, которой можно было управлять, приказывать или помыкать ею.

Алесь понял, что ошибся. Солдат внутри него подсказывал, что сейчас единственно правильное тактическое решение — взять небольшую паузу, отойти назад и переждать. Но он не мог ждать. Его внутреннее состояние — этот панический ужас перед пустотой — и трезвое понимание того, что отпуск не бесконечен, а Кася нужна ему сейчас, перевесили разум. И Алесь нажал на кнопку видеовызова.

Попытка сломать время

Экран несколько секунд мигал индикатором соединения, а потом Кася ответила. Это был их первый визуальный контакт за все эти годы.

Алесь смотрел на экран и жадно ловил каждую деталь. Кася сидела в своем кабинете, освещенная мягким студийным светом. Красивая, утонченная блондинка. А вот сам Алесь... Природная красота, карие глаза и темные волосы никуда не делись, но война и последствие ранения оставили свой непоправимый след на его лице: кожа остро обтянула скулы, в глазах застыла тяжелая суровость, а на щеке заметно выделялся рваный шрам, который только недавно затянулся после госпитальных швов.

Кася смотрела на него с экрана долго, молча. В ее взгляде появилось то самое живое, глубокое любопытство и даже заинтригованность. Женщина словно пыталась прямо сейчас сломать время: соединить свои далекие юношеские воспоминания о парне с цветами с тем суровым, побитым жизнью мужчиной, который смотрел на нее с экрана. Пауза затянулась.

Точка невозврата

Алесь, однако, воспринял ее взгляд и эту молчаливую паузу по-своему — ошибочно. Через призму своего, пошатнувшегося под влиянием обстоятельств мироощущения, он подумал, что шрам на его лице просто смутил или испугал Касю. Желая исправить ситуацию и просто объяснить, откуда у него эти «украшения», Алесь произнес:

— Посекло немного осколками. Я ведь сейчас в армии. Вот, после ранения отпуск дали...

И тут мужчина увидел, как за какие-то мгновения безвозвратно изменился ее взгляд. Живой интерес и заинтригованность исчезли, словно их смыло ледяной волной воды. На их место пришло оглушительное удивление, которое постепенно превращалось в глубокую боль. Это был даже не холод, это было что-то большее. Когда Кася заговорила, ее взгляд стал даже

не брезгливым — она уже смотрела сквозь Алеся, будто человек перед ней на экране вдруг превратился в пустое место.

— Ты... там? — ее голос прозвучал тихо, но вес каждого слова был свинцовым.

Повисла пауза.

— Ты же понимаешь, что ты стал...

В этот момент связь оборвалась, и звонок закончился. Экран потух, вернув Алеся в серую темноту его комнаты. Но соединение исчезло слишком поздно. Алесь всё понял. Он отчетливо прочитал по ее губам, какое именно слово она не успела произнести целиком. Но самым страшным было даже не само это слово. Самым страшным было то, что Кася больше не хотела иметь с ним ничего общего — она вычеркнула его из своего мира навсегда. Для мужчины это стало очевидным.

— Зачем ты так... — вслух произнес он.

Руины бастиона

Темнота комнаты обрушилась на него с такой же безжалостной силой, как тот старый подвал, который едва не стал его могилой. Но тогда, под завалами, ему не было так страшно. Теперь его пронзали насквозь не осколки снаряда, а глухая пустота. Казалось, что из него живьем выдирают последние остатки человеческого — то единственное, чистое и настоящее, что он так яростно защищал в своем сердце среди грязи, пороха и крови. И эти остатки выдирают по живому.

Алесь смотрел на черное стекло телефона, мужчина почувствовал, как его глаза опалило горячей, горькой болью. Это не были слезы слабости или жалости к себе — это была боль мужчины, который прошел через ад и вдруг увидел, что спасать больше нечего. Бастион, который должен был сохранить его душу, дать шанс на нормальную жизнь, сгорел дотла. Его зона чистоты была уничтожена, а на ее месте остался только пепел и понимание того, что он сам собственноручно разрушил свою возможность на спасение.

Пальцы, привыкшие держать оружие, сейчас мелко дрожали, а грудь сжимал такой дикий, невыносимый спазм, от которого хотелось кричать, но с губ срывалось лишь глухое, задушенное хрипение. Он остался абсолютно один среди руин собственной жизни. Мужчина медленно опустил голову на жесткие ладони, пока за окном суетился чужой и далекий мирный город...

Но война научила Алеся одному суровому правилу: пока солдат дышит, пока сердце бьется, даже на самых выжженных руинах бой еще не окончен.

Глава 6. Танатос и свет

Реанимация болью

Полдень встретил Алеся острым, как лезвие, солнечным светом, пробивавшегося сквозь щели жалюзи. Голова раскалывалась от тяжелого, липкого тумана — последствий очередной ночи, которую он пытался использовать как анестезию. Свой отпуск он уже почти не помнил. Тот промелькнул калейдоскопом чужих лиц, случайных постелей и грязного стеклянного

блеска на кухонном столе. Алесь не искал счастья — он просто искал другую боль, физическую, которая сумела бы заглушить ту, первую, что выжгла его нутро после видеовызова.

За дверью только что исчезла очередная ночная гостья. Мужчина даже не помнил ее имени. Он сидел на краю скрипучего дивана, вдавив пальцы в виски, когда в замке повернулся ключ.

Это был Ян. Единственный, у кого были ключи от этого временного пространства. Друг остановился в дверях, окинул взглядом комнату — разбросанную одежду, полную окурков пепельницу — и посмотрел на Алесья с тяжелым, неприкрытым сочувствием.

— Может, притормозишь, Алесь? — тихо, но твердо произнес Ян. — Так проблемы не решаются. Послушай, тебе нужно время. Просто чтобы всё успокоилось, чтобы улеглась пыль. Не возвращайся ты пока туда... Оставайся. Тут ведь когда-то был твой дом. Найдешь работу, начнешь жить нормальной жизнью.

Алесь медленно поднял голову. На его мрачном, осунувшемся лице шрам от осколка казался почти черным. Он с каким-то спокойным ужасом в голосе ответил:

— Для нормальной жизни, Ян... ненормален уже я.
Приручение тьмы

Через три дня он снова был там. Возвращение на фронт не было приступом отчаяния — для него это было возвращение в систему координат, где всё имело свой четкий смысл. Там, на поле боя, логика была простой и понятной: вот позиция, вот приказ, вот чужое оружие, которое нужно подавить. Алесь не сошел с ума, не стал безжалостным маньяком или мстительным карателем. Он остался всё той же профессиональной, безупречной боевой единицей. Вот только эта единица теперь начала думать, рефлексировать. Холодный расчет уступил место глубокому, молчаливому анализу всего, что происходило вокруг. Что касалось Каси, он не ненавидел Касю за ее слова, за ту боль. Он просто учился с этим жить. Учился забывать.

Пока шли штурма, пока земля корчилась от прилетов, а его мозг был полностью занят выживанием — всё было хорошо. Днем он был хозяином своего разума. Но война заканчивалась там, где начинался сон.

Алесь не мог контролировать свое подсознание. Каждую ночь, стоило ему закрыть глаза на нарах в блиндаже, тьма возвращала ее. В этих снах не было войны. В своих снах он отчетливо ощущал пальцами мягкую ткань ее платья, держал свои грубые ладони на ее тонкой талии и целовал ее шею — там, у самого основания, возле ключицы, где кожа пахла жасмином и солнцем. Там Кася не смотрела сквозь него. Она медленно поднимала руку и нежно, тепло прикасалась пальцами к его изувеченной щеке, словно пыталась залечить его шрам.

Прошел год...
Сектор наблюдения

Всё это время единственной его нитью с мирной жизнью оставался Ян. Они регулярно переписывались в мессенджере, обсуждая какие-то мелочи, погоду, новости из родного города. О той ночи они не говорили ни разу — это была заминированная территория. Но Ян, который

знал Алеся с детства, видел между строк, что друг медленно убивает себя этим молчаливым абсолютным упорством.

Однажды на экран Алеся пришло сообщение от Яна. Простое и прямое, как выстрел: «Ты ее так и не забыл, правда?»

Этот вопрос заставил Алеся остановиться. В блиндаже было тихо, только где-то далеко бубнила арта. Вопрос требовал либо окончательной лжи, либо максимальной, почти обнаженной искренности перед самим собой.

Алесь набрал ответ: «Ты с ней общаешься?»

«Да, — ответил Ян через минуту. — Не могу сказать, что вхожу в ее близкий круг, но у нас довольно приятельские отношения. Бывает, пересекаемся».

Пальцы Алеся застыли над клавиатурой. Искушение было непреодолимым. «Помоги мне, — написал он. — Я хочу знать о ней всё, что только возможно».

Ян согласился не сразу. Он и сам в глубине души не понимал, почему идет на эту сделку, почему помогает человеку в форме шпионить за женщиной, которая вычеркнула его из своей жизни. Возможно, это была простая мужская солидарность, а возможно — осознание того, что, если отобрать у Алеся эту последнюю зацепку, тот просто подставится под очередную снаряд.

С этого момента Ян стал его глазами и ушами в том, далеком мире. Параллельно Алесь и сам, с маниакальным упорством, проверял ее профили в сетях. Он знал каждый новый снимок, каждую смену локации, каждую книгу, которую она выставляла на своей странице.

Мужчина прекрасно понимал: это безумие. Нормальные люди так себя не ведут. Это была настоящая, болезненная одержимость. Но в системе координат Алеся всё выглядело немного иначе. Военная служба приучила его к одному: если ты хочешь выжить, ты должен знать противника или объект до мелочей. Ты должен изучить каждый куст, каждое движение на той стороне, каждую секунду следить за сектором. Кася была его главным, единственным жизненным сектором. Это была не сладкая ностальгия — это была его разведка. Если бы он перестал следить за ней, если бы он позволил себе упустить её из виду, его оборона рухнула бы, и тогда пустота фронта просто сожрала бы его изнутри. Для него это было не маниакальное преследование женщины — это был его личный способ держать оборону против собственного безумия. Кася была той единственной координатой, которая удерживала его на этой земле, и пока он видел её — он знал, где север.

Зеркало нормального мира

Так прошло еще полгода. Полгода непрерывного, точечного слежения за ее жизнью изменили что-то важное внутри самого Алеся. Это долгое время и цифровая близость совершили то, чего он сам не ожидал. Алесь вдруг понял, что в его душе больше не живет образ той юной, недостижимой девочки из прошлого, да и глянцевого изображение из социальных сетей тоже исчезло. Всё пространство внутри него заняла реальная, живая женщина. Через редкие реплики Яна, через ее случайные посты он до мелочей изучил ее проблемы, ее ежедневные желания, ее недостатки. Он принял ее характер, ее холодность, ее мирную, порой слишком избыточную эстетику. Он любил уже не призрак — он любил настоящее человеческое существо, сотканное из крови, плоти и чрезмерной гордости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.